

УДК 37.017.7

«КРИВОЕ ЗЕРКАЛО» ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ «КЛАССИКИ» И ОТРАЖЕНИЕ В НЕМ ПРОБЛЕМ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛИМЕНКО Владислав Владиславович,

кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной психологии и педагогики, Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ проблем модернизации российского образования и заимствования западных теоретических концепций в обосновании инноваций, внедряемых в отечественную образовательную практику. Представлена авторская позиция относительно некоторых западных подходов и идей в области психолого-педагогического образования, в частности работы американского социального философа И. Иллича.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психолого-педагогическое образование, модернизация отечественного образования, российское образование, инновация, патриотизм.

KLIMENKO V.V.,

Cand. Psychol. Sci., Docent of the Department of Correctional Pedagogy and Psychology, Voronezh State Pedagogical University

THE "DISTORTING MIRROR" OF WESTERN PSYCHO-PEDAGOGICAL "CLASSICS" AND HOW IT REFLECTS THE PROBLEMS OF RUSSIAN EDUCATION MODERNIZATION

ABSTRACT. The article analyzes the problems of modernization of Russian education and borrowing Western theoretical concepts to justify the innovations introduced in the domestic educational practice. The author presents his position on some Western approaches and ideas in the field of psycho-pedagogical education, namely, the works of the American social philosopher Ivan Illich.

KEY WORDS: psychological-pedagogical education, modernization of Russian education, Russian education, innovation, patriotism.

*Есть ученость истинная, светлая,
плодотворная и благотворная,
и есть ученость лживая, мрачная,
бесплодная, хотя и работающая.*

В.Г. Белинский

Наука не может существовать без споров о содержании своего предмета и способах его дальнейшего познания. В широком смысле эта позиция всегда связана с обменом мнениями, необходимой критикой, с выявлением противоречий и даже с оценкой искренности заблуждений. А если иметь в виду предмет нашего интереса, связанный с образованием, то это в первую очередь забота о новых, только в наши дни возникающих задачах и проблемах школьного образования и совершенствования личности современного молодого человека. И главным научным результатом этих споров является нахождение реальных и практически осуществимых путей к его духовно-нравственному подъему, защита этих путей от посторонних влияний и особенно оценок.

В поисках ответов на многие вопросы, связанные с этой статьей, автор обращался к разным источникам. Случайно ему в руки попала книга американского социального философа, аналитика и критика современного ему мира – Ивана Иллича с несколько странно звучащим для нашего россий-

ского уха названием: «Освобождение от школ» (М.: Издательство «Просвещение», 2006).

По глубине высказываемых идей и точности их стилистического оформления (даже в переводном виде) эта книга вызывает интерес. Но отечественному читателю сразу же бросается в глаза то, что она написана на материале, относящемся к другим общественно-историческим традициям, которые в большинстве случаев чужды российской ментальности.

Одним из основных методов анализа действительности Иваном Илличем признается метод «демистификации» через выявление «семантических ловушек», отражающих не живые и продуктивные знания, а сугубо формализованные, которые могут быть представлены безликими, беспредметными понятиями, «затуманивающими понимание».* Ито-

* Все указанные термины, используемые Иваном Илличем, по своему содержанию являются относительными, и принимать их приходится весьма условно.

гом этому, по Ивану Илличу, является искажение социального мировоззрения людей¹.

Книга Иллича представляет собой вместилище многих богатых и разнообразных соображений, особенно касающихся образования молодежи, трудностей и возможностей модернизации этого общественного процесса. В небольшой статье пересказать их все невозможно, но в общем работа Ивана Иллича заслуживает внимания. Взгляды Ивана Иллича, по нашему пониманию, в своем методологическом «кредо» нужно признать весьма субъективными. Об этом российскому читателю говорят не «новоявленные классики», а сама повседневная жизнь. Примером заблуждений Ивана Иллича (нам хочется верить – искренних) может быть его мнение о том, что «богатый и бедный одинаково зависят от больниц и школ», каждое из которых руководит их жизнью, и что расходы на одного ученика в США даже в трущобах могут быть больше, чем в школах богатых предместий².

Книга Иллича, усиленно навязываемая российскому читателю, хотя и называется «Освобождение от школ», но не от школы с ее очень многими проблемами, а от предыдущего национального педагогического опыта, который умело «подхватил» Китай и продолжает его развивать и от которого «предлагают» нам освободиться автор и его сторонники-«инноваторы». Один крупный отечественный актер и драматург, подразумевая связь театра с современностью, говорил: «Нам нужно идти спиной вперед!». Педагогике и психологии не худо было бы воспользоваться этим предложением.

Сама по себе форма и условия организации познавательной (учебной) деятельности ребенка не играют ведущей роли. Главное состоит в единстве многих содержательных сторон его учения (где важным является его психология, ценность знаний для жизни его самого и всего общества в целом) со временем, в котором живет познающий, а также обществом, которое, несомненно, определяет эту недельную связь с формальной (организационной), методической, психологической и многими другими его сторонами. В этом, пожалуй, состоит истина. И как отмечал наш отечественный философ А.Ф. Лосев: «Истина для нас (россиян – В.К.) возможна только в том случае, если мы будем признавать всю действительность, беря ее в целом, то есть максимально обобщенно и максимально конкретно... Другими словами, истина есть сущее всеединое»³. Это и есть самый главный концепт анализа книги Ивана Иллича и тех, кто активно ее нам предлагает. И тем не менее Иван Иллич не против образования детей. Он «протестует» против образования, навязываемого «заинтересованным государством». Но его идеи в конечном итоге вступают в конфронтацию с народом, который старается покорить духовно. В этом случае под ударом оказывается образование, культура, творчество и т.д. Удивительно, но большой интерес вызывает не только сама книга, но и довольно пространное вступление к ней, написанное нашим «соотечественником» Теодором Шаниным. Именно он заостряет внимание читающего на том, что «на западе книга Ивана Иллича суще-

ственно повлияла на позиции и представления не только тех, кто был согласен с автором, но и тех, кто не согласился с ним, однако не мог проигнорировать (вот так! – В.К.) его анализ»⁴. Мы не можем сиюминутно согласиться с Теодором Шаниным, так как этот «анализ» очень пригодился в начале 90-х гг. «демократам» педагогической науки как в России, так и в СНГ, особенно на Украине. Легко оценивая нашу недавнюю историю, нашу жизнь как «отгороженную от новых и неортодоксальных тенденций западной мысли»⁵, автор вступления пытается внушительно обосновать эту мысль. Но именно сейчас мы воочию можем наблюдать результаты «неотгороженности» от «западной мысли», к примеру, в российском образовании и культуре.

Но альтернативой демистификаций могут служить другие, гораздо лучшие примеры, чем предлагает Теодор Шанин. Суть этих примеров – в неформальном и искреннем объяснении педагогам главного положения о том, что, пока существуют «богатые» и «бедные», образование будет соответствовать именно этому положению вещей. И здесь не нужны «демистификации», а нужна весомая, правдивая информация, поданная читателю честным ученым в педагогике, психологии обучения, технологии преподавания предметов и т.д.

В своей книге И. Иллич много места уделяет религиозному образованию молодежи. Эта проблема не является целью нашей статьи, однако мы хотели бы сказать, что вопрос о соотношении образования и религии в наши дни является не столько актуальным, сколько сложным. Религиозное сознание в общем опирается на свои основные атрибутивные понятия – мораль и нравственность. Но, жестко увязанные с религиозностью, они лишаются необходимого для человека (особенно верующего) выбора: «Я и Бог», «Бог во мне», «Бог для меня и для других», «каким мне быть дальше». Границы использования нравственного потенциала человека, моральных исканий (особенно сложных в наши дни) сильно приближены друг к другу, что затрудняет реализацию индивидом потребности в выборе. Здесь нормально развивающейся личности может не хватить «простора», убедительных фактов для осуществления подобного чисто личного акта хотя бы потому, что человек в этом случае остается как бы «наедине с самим собой». Талантливый, безвременно ушедший из жизни исследователь И.Е. Булатников по поводу этой проблемы писал: «Нравственный потенциал личности определяется не тем, что она не ошибается, а тем, что она готова расплачиваться за ошибки и извлекать из них уроки»⁶. И именно здесь начинает играть свою роль то, что А.С. Макаренко назвал «воспитанием в коллективе и через коллектив» и что обладает необходимым духовным потенциалом и ценностями, призванными играть фундаментальную роль в воспитании Личности. Время отчетливо показало, что индуци-

¹ Иллич И. Освобождение от школ / И. Иллич. – М. : Просвещение, 2006. – С. 3.

² Там же.

³ Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева / А.Ф. Лосев // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 9.

⁴ Иллич И. Освобождение от школ / И. Иллич. – М. : Просвещение, 2006. – С. 3

⁵ Шанин Т. Вступление / Т. Шанин // Иллич И. Освобождение от школ / И. Иллич. – М. : Просвещение, 2006. – С. 5.

⁶ Булатников И.Е. Концепция социально-нравственного воспитания личности в педагогическом наследии А.С. Макаренко: диалектика социального и индивидуального / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – №2 (26). – С. 109.

ровать духовность и ее рефрена – нравственность – личность может, находясь только в условиях коллехтива, и в первую очередь семейного.

Субъективное представление, талантливо описанное в книге, сегодняшние сторонники Иллича без ложной скромности выдают за выражение истины, за «классику». Должным образом оценить ее – насущная проблема нашей педагогической, психологической науки и особенно практики. Тема творчества Ивана Иллича как «критика современного мира и его самосознания» заслуживает серьезной научной работы, в основу которой будет положен глубокий современный критический анализ тех проблем, которые он поднял. Отвергать его работу нашей науке совершенно не к лицу. Не умаляя значения книги, мы вынуждены предупредить об ее «опасности» для отечественной педагогической науки и практики. Она заключается в возможности «увода в сторону» искренне сомневающимися, думающими педагогов. Именно такой путь очень выгоден тем, кто давно и упорно вынашивает свои неблагоприятные планы против России. Ведь сейчас значительно обострилась борьба между Западом и Востоком за мировое господство (которой фактически был наполнен весь XX век). И в этой борьбе вопрос об образовании вообще и о школьном образовании в частности является далеко не риторическим. Можно смело утверждать, что образование молодежи, технологии преподавания и воспитания стали неотъемлемой частью подобного «столкновения интересов».

«Наступление» в любом, особенно латентном, виде на исторически подкрепленные идеи отечественной педагогики и педагогической психологии не менее разрушительно, чем втягивание нашей страны, к примеру, в гонку вооружений или принуждение к участию в «холодной» войне. Такое положение вещей читателю непосредственно не бросается в глаза, но это реально существующий процесс. «Врага» можно поразить оружием, но можно распатать, девальвировать, вызвать сомнение в основательности системы обучения детей в школе, системы их нравственного и патриотического воспитания, семейных отношений и т.д. В любом случае результат один и тот же. В современных условиях задача эффективного обучения, особенно воспитания, молодого человека превратилась в проблему глобального масштаба. И основной вопрос состоит здесь в том, куда, с кем и в каком направлении будет двигаться современная молодежь. В «тесном очерке» невозможно раскрыть содержание всех необходимых сторон той истины, о которой мы ведем разговор, потому что она затрагивает не одни только формальные стороны человеческой жизни, но и «сердце человеческое».⁷ А если на эту проблему посмотреть шире, то «сохранение своеобразия и свободы жизнедеятельности социальных подсистем и индивидуумов, – ... неперемное условие принятия ими глобализации»⁸.

Еще в 70-е годы XX века в США стали предприниматься попытки для осуществления коренной переработки образования многих стран, разумеется, в интересах транснациональных компаний. В их

организации основную практическую роль сыграл Роберт Мюллер, в то время – заместитель Генерального секретаря ООН. Его основная идея «глобального образования» опиралась на принципы обеспечения и соблюдения «общепризнанных ценностей и прав человека», «глобального образования», «глобального гражданства». Эти идеи стали основным содержанием созданной им программы «Всемирное расписание основных уроков», в которую и были внесены идеи «глобального видения мира».⁹

На основании этих положений к 90-м годам XX в. им была создана программа «Рождение нового мирового образовательного порядка», при реализации которой «глобальное образование должно проникнуть в моральные и духовные сферы». Таким образом, «творческое партнерство правительств всех стран позволяет втянуть их национальное образование в сферу интересов транснационального бизнеса, поломать барьеры, препятствующие преподавателям принимать западные образцы воспитания и образования, и адаптирует школы к нуждам глобального информационного общества, навязывая им чуждую систему ценностей».¹⁰

Мы не случайно несколько пространно коснулись отдельной стороны политико-организационного процесса начала 90-х годов XX в., который чрезвычайно активизировался с развалом Советского Союза. Идеиные связи (и очень тесные), как мы считаем, Мэрилин Фергюсон и практической программы Роберта Мюллера «Всемирное расписание основных уроков» бесспорны. Это мнение очень актуально для России, особенно с учетом того, что из принципа толерантности «родилась» система «диапраксиса» (диалектика + практика) (Д. Готчер), которая всем своим содержанием призывает нашу общественность и даже навязывает ей (особенно научной) отказаться от веры в «очевидные» авторитеты, порождает иронию и даже презрение к ним, ставит «все абсолюты» под вопрос, открывает путь безудержному релятивизму и в конечном итоге ведет к отрицанию образования как такового.¹¹ Это очень похоже на те же идеи И. Иллича с его методом «демистификации». В целом подобный подход направлен на решение проблемы «высокообразованности» некоторых стран с целью достижения или управляемости, манипуляции людьми и обществом.¹² Вектор этих целей четко просматривается – от массового манипулирования к глобальной власти.

Разумеется, в этом противостоянии присутствует и Россия. И против нее ведется своеобразная «война», которая идет на уровне базовых духовных ценностей, переводимых на западные стандарты, потому что «кто формирует сознание молодежи и воспитывает детей, тот контролирует будущее страны»¹³. Разрушение духовно-нравственных основ российского общества позволяет легко перевести его под внешний контроль (что-то подобное происходит в наше время и на Украине, особенно в западной ее

⁷ О прозе. О поэзии : сб. статей / сост. О. Эйхенбаум ; вступ. ст. Г. Вялого. – Л. : Художественная литература, 1986. – С. 273.

⁸ Григорьев А.И. Воспитание современного человека как глобальная проблема цивилизации / А.И. Григорьев // Известия ВГПУ. – 2013. – №2 (261). – С. 51.

⁹ Четверикова О. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России / О. Четверикова. – М., 2015. – С. 5.

¹⁰ Там же. – С. 7.

¹¹ Там же. – С. 10.

¹² Четверикова О. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России / О. Четверикова. – М., 2015. – С. 10.

¹³ Там же. – С. 1.

части). Независимость страны напрямую определяется ее духовной свободой от внешнего влияния, что в свою очередь невозможно без «суверенной системы образования»¹⁴. Традиционно в нашей стране обучение и воспитание молодежи составляло основу духовно-нравственного становления личности молодого человека.

Еще одной реальной стороной нашего общественного существования является компрадорство, которое проявляет себя не только в экономических (торговых) отношениях, но и в духовно-нравственной сфере. Все это как бы ненавязчиво побуждает к утверждению плюрализма идей, школ, концепций, что, безусловно, ведет к расшатыванию и внутренней трансформации категориальной системы и понятийного аппарата, умалению содержательного богатства основных концептуальных положений отечественной педагогической психологии, психологии развития и др. Сегодня это же происходит с нашей исторической, философской наукой, эстетикой и различными ее ракурсами отражения действительности.

Подобный «строгий» взгляд на американско-западную психолого-педагогическую литературу имеет и исторические аналоги. Еще А.С. Пушкин признавал, что французская словесность должна была сильно повлиять и, возможно, подчинить себе русскую литературу 30-х годов XIX в. Но это влияние ограничилось лишь переводами и кое-какими подражаниями¹⁵. Вряд ли бы мы в этом случае «получили» своих классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова. В отличие от нашего времени это влияние оказалось слабым, «... действительно, русская передовая проза 30-х годов (при всем внимании к зарубежным литературам) шла своей дорогой»¹⁶. Современные отечественные ученые точно подметили, что, «отрекаясь от прошлого, используя устремления людей к порядку и коллективности как жупел для издевательств и насмешки, постмодернизм проецирует... на все человечество девиантное поведение и нигилизм подростков»¹⁷.

Идея образования, воспитания и развития детей в школе, глубоко продуманная, высказанная и самое главное талантливо описанная Макаренко и Сухомлинским и их последователями – это невольный «позорный столб» тем, кто считает актуальными для современной российской школы идеи Ивана Ильича и его последователей. Кому-то это противопоставление покажется неуместным, но оно диктуется самим содержанием сегодняшнего российского образования, а особенно его проблемами, которым, кажется, нет конца, а самое главное – нет решения. Время показало, что творчество наших классиков педагогики и психологии особым образом «структурировано», что в свою очередь потребовало появления нового читателя, заряженного творчеством, своеобразного «соучастника» описываемых ими событий. Исторический аналог этому находится и в литературном творчестве поэта XVIII века Фридриха Гельдерлина. Филолог Н.Т. Беляева писала о нем как о поэте, чья слава возрастает с течением

времени, отмечая, что в его работу («Гиперион») читателю трудно «войти» сразу. Он включается в нее лишь какой-то частью, во всем прочем оставаясь сам собой – в своем характере, мировоззрении, обстоятельствах жизни, и часто склонен абсолютизировать то, что подтверждается его личным опытом и не замечать остального¹⁸. По отношению к работе и практическому опыту А.С. Макаренко сегодняшние исследователи буквально «не имеют права» на подобное состояние, поскольку мы живем в очень сложное время.

А.С. Макаренко преданно любил не только своих воспитанников, но и (как не парадоксально это звучит) детей последующих поколений, и особенно тех, у кого приключилось трудное детство. Он не был предсказателем, но, хорошо зная свое время и состояние развития в нем проблем научного и общественного содержания, испытывал «духовное беспокойство» (А.Ф. Лосев), которое определенным образом «предугадало» трудности воспитания будущих поколений молодежи в нашей стране. И он «как в воду смотрел». Даже по данным Министерства образования и науки за период, когда в России «начались организованные попытки системного реформирования», в системе образования за порогом учебных заведений оказалось 1 млн. 950 тыс. человек¹⁹.

Но самым главным направлением этой антидемократической работы является всяческая защита нашего отечественного опыта образования и воспитания молодежи, в частности опыта школьного обучения (мы здесь не делаем глубокого исторического экскурса), и очень жаль, что Иван Ильич не знал или не придавал значения современным ему событиям 1957 года в СССР в связи с запуском первого искусственного спутника Земли. Основоположниками этого опыта были и остаются А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, их последователи в научных исследованиях и особенно в практике. Эту статью не следует рассматривать даже как попытку анализа их научной и практической деятельности, так как в ней используются материалы из отдельно взятых работ. Значение, к примеру, А.С. Макаренко как ученого, педагога огромно хотя бы потому, что он сумел «шагнуть на новый берег расколовшегося времени» (Н.Т. Беляева). И в наши дни мы еще мало знаем и, следовательно, не можем (вернее, нам мешают) оценить всю глубину его мыслей и научного творчества, их значение для сегодняшней психолого-педагогической практики.

Сегодня уже четко наметилась тенденция выделения «макаренковедения» как отрасли педагогической науки, которая имеет корни не только в нашей стране, но и за рубежом²⁰. Но то, что было сказано о Макаренко ранее, особенно в начале 90-х годов XX века, оказалось в сильной степени конъюнктурным, неискренним, схоластическим. И тем не менее отрицать то, что новое время требует новых идей, подходов, методов, неразумно, но это новое категорически должно созидаться на основе прошлого национального опыта, особенно в сфере обучения и воспитания молодежи, что только и может сделать его жизнеспособным. Сами по себе даже очень современные, передовые педагогические

¹⁴ Там же. – С. 2.

¹⁵ О прозе. О поэзии : сб. статей / сост. О. Эйхенбаум ; вступ. ст. Г. Бялого. – Л. : Художественная литература, 1986. – С. 271.

¹⁶ Там же. – С. 270.

¹⁷ Григорьев А.И. Воспитание современного человека как глобальная проблема цивилизации / А.И. Григорьев // Известия ВГПУ. – 2013. – №2 (261). – С. 53.

¹⁸ <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/144835.html>.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гриценко Л.И. «Военизация» в учреждениях А.С. Макаренко / Л.И. Гриценко // Педагогика. – №3. – 2015. – С. 89–95.

идеи (особенно в отношении школы) должны в любом варианте совмещаться с интересами национального государства (или отдельного государственного образования), нации, народа, с отстаиванием его права на суверенитет, в том числе и в образовании и воспитании молодежи.

В настоящее время в российском образовании складывается, на наш взгляд, ситуация, содержание и дух которой на удивление точно передает древняя восточная мудрость: «Хочешь победить врага – воспитай его детей»²¹. Борьба идет на уровне наших основных общественных и культурных ценностей, которые очень активно пытаются перевести на американско-европейские стандарты, что является очень эффективным направлением развертывания психологической войны, так как утрата духовной (образовательной) самостоятельности обязательно ведет к утрате политического и национального суверенитета.

Начало 90-х годов ознаменовалось для России и началом перестройки образования, которой очень энергично стала руководить весьма квалифицированная группа реформаторов*. Одним из основных ее участников стал А.Г. Асмолов, академик РАО, доктор психологических наук, бывший заместитель министра образования, член Общественного совета Российского еврейского конгресса (РЕК). В современных научных кругах он представлен как «борец за тотальное разрушение основ традиционной школы», сторонник «возвращения культуры толерантности», введения «культуры защиты прав детей», «социально-правовой адвокатуры детства» и т.д.²²

По мнению нашей передовой научной общности, на сегодняшний день «перестройка» дала свой результат, нанеся сильнейший удар по историческому и культурному потенциалу традиционной российской школы, деформировала ее национальную самобытность, повлияла на наш менталитет и общественное сознание. Сюда же относится и ее негативное влияние на качество знаний школьников по многим ведущим предметам, особенно по математике.

Наиболее опасными являются (посредством различных форсайт-проектов) атаки на главную, ключевую фигуру всей системы образования – личность учителя, на психолого-педагогические принципы его роли, в частности во взаимоотношениях с учеником. Идеи инновационных взаимоотношений учителя и ученика через партнерство и сотрудничество в учебно-воспитательном процессе, на первый взгляд, совпадают с нашими традиционными представлениями. Равнопартнерская модель их совместной деятельности давно вошла в нашу психолого-педагогическую науку и практику (Божович Л.И., 1968; Рубцов В.В., 1987; Лийметс Х.И., 1975; Сухомлинский В.А., 1974; Маркова А.К., 1993; Репринцев А.В., 2013; Зимняя И.А., 2007 и многие другие).

Но предлагаемая нам «инновация» состоит в том, что ученик в этом случае должен играть роль равного с учителем партнера. Причем учитель в этом случае – «помощник» ребенка в его образовании²³. И если И.А. Зимняя, А.В. Репринцев вкладывают в партнерское равенство в первую очередь нравственно-этический смысл, то их оппоненты переводят партнерство (партнерское равенство) в плоскость чисто профессиональную. Вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что в этих условиях обучения детей меняется свое смысловое содержание, а учитель ставится в позицию «абстрактную и обезличенную». Еще более сложным и безрезультатным в этом случае становится воспитательный процесс, когда ребенок пребывает в таких условиях образования, которые обеспечивают ему развитие «способности вырабатывать свой собственный кодекс (вот так и пишется – добавление В.К.)»²⁴.

Нельзя сказать, что специалисты по «модернизации» российского образования не принимают в расчет всей трудности этой задачи. Наоборот, работа ведется на всех направлениях, высоком уровне и сопровождается активным продвижением модных терминов и понятий, например «вариативность», «свобода выбора», «личная ориентация» и особенно «детоцентризм», призванный возобладавать в современной системе обучения и воспитания детей. В одном из своих интервью руководитель инновационного центра – Федерального института развития образования (ФИРО), государственного автономного учреждения при Минобрнауки А.Г. Асмолов говорил о том, какие меры с его участием предпринимаются для ускорения «перестроечных» процессов в российском образовании. В этом же интервью он кратко поясняет основные идеи реализации «детоцентризма» в жизни нашего государства. Вообще, это интервью настолько значимо, что мы хотели бы представить «психологическую» реконструкцию его фрагмента. Значком (!) мы обозначили те выражения, на которые автор этой статьи, педагог с сорокалетним непрерывным стажем, хотел бы особо обратить внимание читателя.

Корреспондент. Получается, что в первую очередь новым стандартам образования нужно обучить взрослых, чтобы они не мешали детям (!) расти и развиваться?

Ответ. Образование родителей начинается с образования руководителей государства, которые тоже иногда являются родителями, и моя формула такова (!): пока наша страна при всех ее зигзагах и перепадах не выдвинет на первый план политический детоцентризм – образован • Педагогические науки не получим (!).

Корреспондент. Звучит угрожающе...

Здесь мы добавим. Удивительно, но именно корреспондент (наверное, сама имеющая детей) Юлия Зеленина совершенно искренне оценивает вышеприведенное мнение.

Ответ. На самом деле, все не так страшно (!). Политический детоцентризм – это когда при принятии государственных решений (!) позиция детства и интересы детей являются наиважнейшими (!), и каждое решение (!) должно быть проанализировано

²¹ Четверикова О. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России / О. Четверикова. – М., 2015.

* Как метко выразился один наш талантливый ученый по поводу этой группы – «образованцы». Группа обладала значительной административной силой и составила объединение компрадоров от образования, куда вошли чиновники и ряд крупных российских ученых.

²² Асмолов А. Идею толерантности не убить / А. Асмолов. – (<http://www.novavagazeta.ru/society/60125.html>).

²³ <http://www.mk.ru/social/2015/01/11/starshklassnikov-budut-uchit-po-konfuciyu.html>.

²⁴ Четверикова О. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России / О. Четверикова. – М., 2015. – С. 43.

но с точки зрения того, как оно скажется на подрастающем поколении (!).

От себя здесь спросим (да простит нас читатель за некоторую иронию), почему бы с этим авторитетным мнением А.Г. Асмолова не ознакомить членов ООН для применения к образовательной политике других государств? И еще, как нам представляется, очень важное. Понятие «детоцентризм» нельзя отнести к психологическим, поскольку оно используется без опоры на результаты научных исследований в педагогике, и в частности в педагогической психологии. Оно, скорее, относится к организационно-экономическим и «подгоняется» под психологию ребенка, но употребляющие его люди не спешат в этом признаться.

На наш взгляд, идея детоцентризма, ставящая личность ребенка в центр всей жизни в стране, очень «умело» позволяет блокировать основную задачу воспитания молодых граждан России на традиционных ценностях связи поколений, патриотизма, национальной культуры, то есть конкретно всего того, что практически конструктивно наполняет их социализацию. Можно уверенно заявить, что идея детоцентризма – это путь к гражданскому и духовному разрушению личности ребенка, и призвана она именно порвать связь «детей и отцов», естественно необходимую зависимость поколений, особенно в пространстве традиционных общегражданских ценностей. В этом случае личность ребенка становится парафразой ее конца, «сумасшедшим пианино, играющим на самом себе».

Но еще более яростным и изощренным «полюс битвы» становится личность ребенка и, в частности, механизм ее социализации. В отношении этого термина нужно сказать, что он уже в 80-е годы XX века подвергался определенному давлению со стороны. В частности, американский исследователь Чайлдс понимал его не как «процесс, а как определенную систему знания, своего рода "псевдонауку", которая должна встать над психологией и педагогикой»²⁵. И только благодаря научной и гражданской принципиальности Г.М. Андреева в нашей стране в то время утверждалось четкое мнение о том, что развитие личности ребенка немислимо «вне усвоения им системы социальных связей, отношений, вне включения в них». Поэтому понятие «социализация» достаточно сложно развести с другими широко употребляемыми в психологической и педагогической литературе понятиями – «развитие личности», «воспитание», да это и не представляется возможным вообще²⁶.

В наши дни академичные рассуждения о понятии «социализация» (или «социальное развитие ребенка») заслуживают высокой оценки, но в них выявляется некоторая оторванность от объективной реальности общественной жизни (как уже говорилось, очень непростой). Возможно, это происходит в силу «сложности и многогранности» самого процесса. «Вторая грань»²⁷ социального развития ребенка, где ведущим является формирование «структур индивидуального самосознания», обуславливает процесс «социального самоопределения» и становления социальной идентичности. Основой в данном случае становится постоянное включение взрослеющего

человека во все более многочисленные социальные общности – те малые и большие социальные группы, в которых, собственно, и усваивается социальный опыт (семью, группу сверстников, этнические, религиозные, профессиональные и другие сообщества)²⁸.

И все-таки справедливости ради необходимо отметить, что проникновение до мельчайших подробностей в глубь мыслей крупного ученого-психолога, имеющего многочисленных учеников и последователей, относящих его к одному из «признанных авторитетов в исследовании личности» (Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая), каким был и остается Александр Григорьевич Асмолов, является непростым делом, так как велик риск чего-то не понять, не оценить по достоинству. Ведь еще в 1990 году он писал о том, что «... именно сотрудничество ребенка со взрослым и сверстниками и выступает основой социализации личности»²⁹.

На наш взгляд, отечественная психолого-педагогическая наука должна найти в себе силы (а они еще есть!), чтобы убедить нашу научную общественность, и особенно практику, сделать себе «прививку» против того, что мешает осуществить реформирование нашего образования именно на основе своих собственных научных государственных и национальных интересов, опираясь на четко сформулированные принципы суверенной гражданской идентичности, основу которой составляют наши базисные, проверенные историческим временем концепции единства обучения и воспитания (коллективного, патриотического и др.). Но если подойти к попыткам западных и отечественных «реформаторов» образования в России рационально, то именно то, от чего нас хотят отвлечь, на что указывают как на отсталость и ненужность, является наиболее значимым в наших психолого-педагогических убеждениях, доказанных десятилетиями отечественной истории и педагогическим опытом поколений.

В настоящий момент наша наука и особенно практика переживает время, которое как бы «замерло» в ожидании будущего. Но, как нам кажется, без глубокого и бережного осмысления с последующим привлечением к повседневному практическим задачам идей отечественной педагогической и психологической классики опыта предшествующих поколений эти надежды на достойное развертывание современного образования могут оказаться «тщетными усилиями» (В. Даль). Отсутствие опоры на этот фундамент может обернуться для российского общества потерей своего *1. Педагогические науки* национальной культуры и даже своей героической истории.

Острота ситуации, в которой оказалось наше образование, вынуждает и даже требует от нас обратиться (в несколько измененном варианте) к страстному призыву нашего народа, прозвучавшему летом 1941 года: «Наше дело правое. Победа будет за нами!».

Но оставим пока в стороне патетику и обратимся к более ясным и четким аргументам. Президент РФ, выступая на встрече с активом Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса, сказал о том, что «у нас нет и не может быть никакой другой

²⁵ Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 336.

²⁶ Там же.

²⁷ Белинская Е.П. Социальная психология личности : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М. : Академия, 2009. – С. 28.

²⁸ Там же.

²⁹ Асмолов А.Г. Психология личности : учебник / А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – С. 297.

объединяющей идеи, кроме патриотизма» (3 февраля 2016 г.).

Содержательно патриотизм представляет собой принцип, реализуемый личностью через чувство любви к родине и всего того, что служит ей во благо. Психологически он насыщен и другими чувствами: гордостью от успехов и достижений отчего края, горечью за его неудачи и трудности, уважением к его истории и народу. Патриотизм напрямую связан с национальным государством, его интересами и является одной из основных форм взаимосвязи личности и общества.

Патриотизм представлен рядом ценностей, которые личностью принимаются как свои собственные. Поэтому без соответствующей системы образования,

воспитания детей и молодежи, их адекватного функционирования в рамках государства и общества говорить о патриотизме нет смысла. На содержание программы воспитания патриотизма непосредственное влияние должно оказывать суверенное (независимое) государство.

Следовательно, предотвращение внешних (внегосударственных, вненациональных) влияний на принципы организации учебно-воспитательного процесса детей, в центре которого функционирует патриотическая составляющая, – это прямая защита силы и независимости государства, народа, нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреева, Г.М. Социальная психология [Текст] / Г.М. Андреева. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
2. Асмолов, А. Идею толерантности не убить [Электронный ресурс] / А. Асмолов. – (<http://www.novayagazeta.ru/society/60125.html>).
3. Асмолов, А.Г. Научиться любить детей. Новые стандарты российского образования начнут работать уже в этом учебном году [Электронный ресурс] / А.Г. Асмолов // Известия. – (<http://izvestia.ru/news/576220>).
4. Асмолов, А.Г. Психология личности : учебник [Текст] / А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
5. Белинская, Е.П. Социальная психология личности : учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М. : Академия, 2009. – 304 с.
6. Булатников, И.Е. Концепция социально-нравственного воспитания личности в педагогическом наследии А.С. Макаренко: диалектика социального и индивидуального [Текст] / И.Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – № 2 (26). – С. 100–113.
7. Гельдерлин, Ф. Гиперион. Стихи. Письма [Текст] / Ф. Гельдерлин; издание подготовлено Н.Т. Беляевой. – М. : Наука, 1988. – 718 с.
8. Григорьев, А.И. Воспитание современного человека как глобальная проблема цивилизации [Текст] / А.И. Григорьев // Известия ВГПУ. – 2013. – № 2 (261). – С. 50–55.
9. Иллич, И. Освобождение от школ [Текст] / И. Иллич. – М. : Просвещение, 2006. – 108 с.
10. Лосев, А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева [Текст] / А.Ф. Лосев // В.С. Соловьев Сочинения в двух томах. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 3–32.
11. Репринцев, А.В. Рыночный тип личности как «социальный заказ» современному социальному воспитанию : трагедии этноса и дебри «модернизации» [Текст] / А.В. Репринцев // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 5. – С. 18–27.
12. Четверикова, О. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России [Текст] / О. Четверикова. – М., 2015.
13. Шанин, Т. Вступление [Текст] / Т. Шанин // Иллич И. Освобождение от школ / И. Иллич. – М. : Просвещение, 2006. – С. 5.
14. Эйхенбаум, Б. О прозе. О поэзии : сб. статей [Текст] / сост. О. Эйхенбаум; вступ. ст. Г. Бялого. – Л. : Художественная литература, 1986. – 456 с.
15. <http://www.mk.ru/social/2015/01/11/starsheklassnikov-budut-uchit-po-konfuciyu.html>.
16. <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/144835.html>.